

Владимир Алтунин

Под печерскими каштанами, и не только...

Муха

Муха гоняла по краю граненого стакана, стоявшего на столе уже где-то с полчаса. Он сидел, подперев голову рукой, и наблюдал за процессом. Временами она останавливалась, опускала хоботок в его портвейн, налитый почти до краю, и снова неслась по кругу, вновь замирала, и опускала в вино уже свои лапки, быстро-быстро ими перебирая. Эта мелкая дрянь не улетала, очевидно, ей понравился вкус, в этом она не была оригинальна, любил его и он, но зачем же в его портвейне мыть ноги? Когда же к она, наконец, напьется, или надышится, вырубится, и можно будет, наконец, приступить к процедуре опохмелки. Не прогонял он ее еще и по причине, что не любил пить один, какая- никакая, а все-таки компания. Нет, конечно, были исключения из правила, но нужно стараться сохранять приличия. Ведь в одиночку пьют лишь алкоголики, а себя он считал всего лишь в меру потребляющим индивидом. Просто у каждого своя мера. Муха же, видно, потеряла голову от привалившего на нее счастья, и не могла никак выбрать себе место,

чтобы предаться предстоящему блаженству. Почему то портвейн ее совсем не брал, и его терпение начинало заканчиваться. Он и так ждал уже достаточно, побеждая безумное желание осушить стакан, ведь состояние после вчерашнего было просто никакейшн. Голова трещала, сушняк, и тут эта сволочь, с которой он решил великодушно поделиться, и проявил настоящий гуманизм, взял в свою компанию, никак не может принять, сколько ей надо, на грудь, и благородно, красиво свалить, освободив ему место. Нет, наверняка портвейн ей понравился, и она просто растягивает удовольствие.

Кто любит в этом мире виски, кому-то нравится коньяк, или водка, кто-то не мыслит себе жизни без красного вина, кое-кто делает вид, что без ума от кубинского рома, он же обожал портвейн. Но не тот, что приготовлен из винограда, выращенного в солнечной долине реки Дору, а свой, ординарный, белый, местного разлива. Даже много лет назад, в эпоху повального дефицита, он не изменял своим предпочтениям, и мог на электричке поехать в пригород, для пополнения своих быстро таящих запасов.

Муха же не проявляла никаких признаков опьянения, хоботок в вино уже почти не опускала, а работала все больше лапками, может, она их мочит, а потом облизывает? Поскольку все манипуляции муха проводила с сумасшедшей скоростью,

подтверждения своим догадкам получить не выходило. Наконец, он решил ее побеспокоить, согнал рукой со стакана, и с чувством его опрокинул. Портвейн согревающее опустился по пищеводу вниз, и почти сразу головная боль стала стихать. Окружающие предметы стали приобретать привычную отчетливость, стук сердца в ушах становился все тише, дрожь рук почти прекратилась, прошло головокружение, словом, он начал приходить в норму.

Он взял блюдце, накапал туда из стакана остатки портвейна, достал из холодильника ветчину, отрезал кубик, и положил в блюдце рядом с лужицей вина, немного отодвинув от себя. Почти сразу муха приземлилась на блюдце. Он снова подпер ладонью голову и погрузился в созерцание происходящего.

По мере того, как тепло от вина все более растекалось по телу, его отношение к мухе начало в корне меняться. Она уже совсем не казалась ему отвратительным созданием, он даже начал испытывать к ней некое подобие симпатии. Она была серой, а не отвратительной зеленой, покрытая редкими волосками, брюшко желтоватое, и эти огромные темно-красные глаза. Вот если бы у человека были такие, можно было видеть, что творится вокруг, одно неудобство, глаза такие большие, что панамку уже не оденешь, каждый глаз

размером с пол-башки. Чем больше он на нее смотрел, тем больше она ему нравилась и вызывала уважение. Не зря ведь великие Гомер и Лукиан обессмертили ее в своих творениях! Мухи видели, как людишки лазили по деревьям, и вообще, если бы не они, то мир уже давно утонул бы в нечистотах. Нет, определенно, очень нужное природе создание, не то что человек, который только и может, что гадить вокруг себя. Мозги начали потихоньку восстанавливать работоспособность, и он начал вытягивать из закоулков памяти пословицы про муху:

«Как выпили варенухи, так и загудели, как мухи», «А муха зря не сядет!», «Был бы мед, а муха и из Багдада прилетит», «И царю в миску муха попадает». Все, достаточно. Он прекратил рыться в закоулках своей памяти, сейчас явно не время, и принял решение. Тихонько поднялся, достал из шкафчика небольшой прозрачный пластиковый контейнер и снова сел за стол. Муха никуда не улетала. Выждав момент, когда она опустит свой хоботок в портвейн, резко накрыл ее сверху контейнером: «Что, не ожидала? Никогда не знаешь, что ждет тебя впереди. Так и человек. Сегодня ты наслаждаешься ароматом дорогой кожи в салоне «Бентли», а завтра уже мучаешься от миазмов, стоящей под кроватью утки».

Муха взлетела, сделала несколько маленьких

кругов, пару раз ударилась в прозрачную стенку, особо не расстроилась, снова уселась, и продолжила наслаждаться его портвейном, похоже, ее все устраивало. Он взял нож, и проковырял в контейнере несколько отверстий, чтобы был доступ свежего воздуха, взял фломастер, витиевато сверху написал «ЖУЖА», и поставил дату.

Не спеша собрался и выдвинулся на работу. Идти ему было недалеко, состояние его нормализовалось, и он шел, любуясь цветением деревьев. Домашняя пленница не выходила у него из головы всю дорогу, он почти все время думал о ней, какое все-таки интересное создание, любопытно, она наклекается до беспамятства, или знает меру?

Напротив его работы уже, как всегда, был открыт небольшой бар. За стойкой стоял невысокого роста, бородатый бармен Жорик, неопределенного возраста, ему можно было дать и тридцать, и сорок, и полтинник. Белоснежной салфеткой, со скучным видом, натирал и так сверкающие бокалы. Он кивнул, здороваясь, достал отдельно стоящую бутылку портвейна, граненый стакан, поставил на стойку и положил рядом леденец. Такой портвейн из всех посетителей пил он один, да и единственный, кто предпочитал граненый стакан. Положив на стойку бара купюру, чокнулся с пустой рюмкой бармена, влил в себя

стакан, и бросил в рот конфету.

Бармен был давно ему хорошо знаком, тот когда то преподавал в сельхозакадемии, и должен знать ответ на мучающий его его вопрос: «Жорик, сколько живет муха?»

Тот сделал еще более умное лицо: «Их в природе насчитывается сорок тысяч видов, живут от восьми дней до нескольких месяцев, вас какая интересует, навозная?»

«Нет, небольшая такая, серенькая, с красными глазищами».

«Все ясно. Муха комнатная, муска domestica! Живет от восьми до двадцати дней».

«Всего то?» — Ему стало грустно: «А белая мышь?»

«До трех лет.»

«Ну, это же совсем другое дело! Спасибо!» и он довольный, покинул бар. Перейдя на противоположную сторону улицы, вошел в монументальное здание с колоннами, и оказался в просторном вестибюле. Поднялся по мраморной лестнице на второй этаж, прошел по длинному коридору, вошел в кабинет, и закрыл за собой дверь с висящей на ней сверкающей латунной табличкой: «Директор театра Муха Петр Сигизмундович».

За оградой

Пора уже было вставать. Но иногда это одни из самых сладостных в жизни минут, сон тебя уже отпустил, но ты еще частью сознания находишься в сказочной неге, ты расслаблен, в голову еще не лезут дневные назойливые мысли, и можно сполна отдалиться этому восхитительному утреннему блаженству. Ему уже давно некуда было спешить, но все-таки валяться по утрам было не в его правилах, хотя и мог себе это позволить. Все-таки сделал себе приятно, повалявшись с полчаса, поднялся, подошел к двери и открыл ее. Легкий ветерок качал верхушки сосен, их апрельский, свежий, хвойный аромат пьянил, и кружил голову. По небу, ставшим уже из зимнего, бледно-голубого синим, важно плыли белокурые кудрявые облака. Весна вступила в свои права, и зазывное пение птиц, призывающих себе пару, было тому подтверждением. Еще вчера все было по другому: робкое солнце, хоть и недолгий, но противный, морозящий дождь, сырость и уныние. Сегодня же все было иначе, дивное апрельское утро, как будто наступала совсем другая жизнь. Сколько он себя помнил, почти всегда в этот день была хорошая погода, а может ему это только казалось?

Он подошел к умывальнику, прикрепленному к стволу сосны, умылся, и тщательно побрился. Холодная вода взбодрила, вернулся, и не спеша начал собираться. На маленькой керосинке сварил

кружку чая, распаковал пачку галетного печенья, позавтракал сам, и покормил бойкого щегла в клетке, висящей под потолком, у маленького окошка.

Звали его последние годы Тихоней, за то, что всегда был молчалив и угрюм, и он уже к этому привык, да и безразлично ему было, как его называют. Он давно смирился со своей новой жизнью, хотя сам жизнью свое существование в этом мире давно не считал, ведь последние несколько лет был бомжем. Заброшенная бетонная коробка трансформаторной будки в сосновом лесу, недалеко от кладбищенского забора, последние два года была его жилищем. Он как мог, ее привел в порядок, утеплил, залатал крышу, врезал в дверь замок, и получилось очень даже неплохо. Внутри было сухо, маленькая буржуйка, сделанная из старого газового баллона, давала тепло, а в крохотное окошко под потолком в погожие дни даже заглядывало солнце. Здесь уместился небольшой топчан, пара картонных ящиков с кое какими вещами, стоящие один на другом, служили столиком, и еще оставалось немного свободного места. Условия если не шикарные, то вполне приличные. А щегол в клетке, небольшой приемник на батарейках, и керосиновая лампа создавали некое подобие уюта. Он был очень доволен. Пройдя вокзалы, подъезды, подвалы, чердаки, бойлерные,

теплотрассы, он наконец нашел свой маленький уголок, где никто не пинает ногами, не плюет в тебя, не оскорбляет, не спускает на тебя собак, и ты можешь находиться совершенно один. Единственно, что ему мешало, так это блохи. Как он не пытался, но вывести их так и не смог. Но грех ему жаловаться на жизнь, большинство таких, как он, не имеют и этого, хотелось бы скоротать здесь оставшиеся годы. Ему было уже за шестьдесят, кто знает, сколько еще впереди, он ценил, что имел, а что такое, как о чем то мечтать, он не знал уже много лет.

Недолгие сборы, и он закрывает за собой дверь на ключ. Чисто выбрит, светлая рубашка, серый плащ, вычищенная обувь, сегодня особый день, и он немного вырядился. Он совсем не был похож на бомжа, скорее напоминал участкового врача или деревенского учителя.

Кладбище было в метрах двадцати за его будкой, и он мог свободно попасть на территорию через дырку в заборе, как каждый день, но он неторопливо пошел в обход к центральному входу. В киоске купил коробку конфет, у торговцев гвоздики, лампадку, перебросился с ними парой слов, ведь все они его давно хорошо знали, и подошел к входу, у которого уже стояла на посту с протянутой рукой и страдальческим выражением лица, словно только вчера похоронила всех

родственников, цыганка. Он ее тоже знал, звали ее Баваль, что на ромском означает ветерок, но сама она внешне и характером была больше похожа на торнадо, будучи высокой, крупной, с гигантской грудью, готовая смести все преграды на своем пути.

Она ему улыбнулась: «Тихоня, давай сегодня погадаю, а? У тебя же сегодня особенный день».

«Мы же с тобой уже говорили: я могу сам себе что угодно нагадать, если надо».

«Нет, дорогой, Господь вашему народу не разрешил этим заниматься, это грех страшный, кто из ваших решит войти в эту воду, того ждут тяжелые болезни и много горя, а нам можно это делать, нам позволено».

Тихоня отрицательно помахал головой, и сунул ей в руку купюру. Цыганка внимательно посмотрела ему в глаза, и взяла его за локоть:

«Ничего не бойся. Самое страшное у тебя уже позади. Не забывай, все, кто работает на кладбище, попадают в рай».

Он кивнул, прошел через ворота, и направился вглубь по аллее, здороваясь по пути с встречающимися по дороге работниками. Два года назад, с разрешения директора ему позволили здесь подрабатывать, и с тех пор, он здесь и остался. За эти годы начальство поменялось уже несколько раз, но он здесь прижился, претензий к нему не было, будучи трудолюбивым и молчаливым, что было

немаловажно, ведь приходилось видеть здесь всякое. Молча, бесплатно делал чужую работу, благо на кладбище она всегда есть, убирал мусор, снег, пилил деревья, словом, делал все, что скажут, ни уваливая и не лентясь. Попутно и себе всегда можно заработать на кусок хлеба, да и сколько ему надо?

Людей сегодня было уже больше обычного, впереди поминальные дни, вот когда здесь будет столпотворение. В такие дни он на кладбище не ходил, а шел в город, или в лес, он не мог видеть вакханалию, которая здесь разворачивалась. Толпы народа стекались сюда с полными баулами еды и выпивки, как на пикник, и все заканчивалось разве что не танцами. В последние годы даже бродячие оркестры стали устраивать здесь представления. Видите ли, может усопшие хотят послушать любимую ими при жизни музыку! Бред. Им нужен только покой. Хороша традиция раз в год прийти на могилу родных, пить, жрать, вот это по нашему, по христиански. А потом могила зарастает бурьяном с человеческий рост, но человек спокоен, что свой долг им выполнен, и так до следующего года.

Наконец, пройдя почти в конец кладбища, остановился возле могилы. Зажег лампадку, уложил аккуратно цветы, коробку конфет, и присел на край скамейки. Здесь были похоронены его родители, а сегодня был день рождения мамы. Когда ее не

стало, священник на похоронах сказал, что можно забыть про день рождения, а нужно помнить о дате смерти, но он так и не смог к этому привыкнуть, и этот день для него всегда был особенным. На ней держалась вся семья, и когда ее не стало, все рассыпалось в одночасье. Он начал пить, а родной брат забрал его паспорт, подsunул ему на подпись какие то бумаги, которые он не глядя, подписал, и остался в итоге без квартиры. Типичная история, которых тысячи, не он первый и не последний. Нет квартиры- нет прописки, а без паспорта вообще непонятно что делать. Да, любил он иногда выпить, чего греха таить, но как то безобидно, ни разу не напившись до безобразия, безвредно, не причиняя окружающим никакого беспокойства и хлопот, и выпившим становился еще добрее, тише воды, и все время улыбался. Где то во Франции, у него вырос сын, а может, уже есть и внуки, но они давно не виделись, и были чужими. Бывшая жена вышла замуж за француза-африканца, уехала к нему с сыном, и больше он их не видел и о них не слышал.

Из попыток что то изменить ничего не вышло, да и что он мог сделать? Наверное, это его путь, и нужно пройти его до конца. Ты человек для всех до тех пор, пока у тебя есть крыша над головой, а когда ее нет- ты сразу превращаешься в изгоя, ты бич, бомжара, ты никто, и зовут тебя никак. Люди почему то более милосердны к животным: строят

приюты для собак, вешают скворечники, а к потерявшим крышу над головой относятся пренебрежительно и надменно. Оказавшиеся волею судеб на улице, в большинстве своем начинают беспробудно пить, опускаясь все ниже и ниже, теряя человеческий облик, хотя сами в этом очень часто и не виноваты. А человеческое общество вспоминает о милосердии к таким лишь у ворот храма да на Пасху.

Он поднялся, и побрел обратно. На этот раз он не пошел через центральный вход, а покинул кладбище через дырку в заборе. Подошел к своему жилищу, и увидел трех работников в черных комбинезонах, с надписью на спинах «ОБЛЭНЕРГО», один из которых пытался с помощью монтировки взломать его дверь.

«Здравствуйте. Вы что то хотели?»

Монтеры обернулись, а тот что с монтировкой, прекратил ломать дверь. Тихоня подошел, достал ключ и открыл ее: «Что вам угодно?»

Они молча заглянули внутрь, но никто из них не зашел. Самый старший смотрел на Тихоню, он явно не был похож на бомжа:

«А вы кто?»

«Я здесь живу».

Старший еще раз заглянул внутрь и обернулся: «Странно. Я вижу у вас здесь порядок, а

мы думали, что здесь разруха.» Он снял кепку, и почесал затылок:

«Мужик, через неделю мы будем устанавливать здесь трансформатор. Спасибо, что поддерживал здесь порядок. Поверь, нам жаль. Тебе придется подыскать себе другое место. Извини». Он махнул рукой, позвав за собой остальных, и они ушли.

Тихоня зашел внутрь, закрыл за собой дверь, сел на топчан, и уставился в стену. Так он просидел около часа. Встал, вынес клетку со щеглом на улицу, поставил ее на пенек, и открыл дверцу. Птица не раздумывая, пулей покинула клетку и исчезла в кронах деревьев.

Вернулся обратно, закрыл дверь на ключ, достал пакет с сухими травами, корешками и ягодами, и заварил себе крепкий отвар. Этого должно хватить, и не на одного. Он хорошо разбирался в травах и растениях, сколько все таки их ядовитых, растет вокруг, в лесу, во дворе, даже на подоконнике в квартире, а человек даже не догадывается, что рядом с ним такое количество смертельной отравы. Он подождал, пока зелье остынет, выпил все содержимое, лег и закрыл глаза. Вот и все.

За дверью все так же шептались сосны, и лес звенел от веселого гомона птиц. Из чащи выпорхнул щегол, залетел к себе в клетку,

примостился на жердочке, нахохлился, закрыл глаза и уснул.

Шербурские зонтики

Сегодня мы пили чистый спирт. Притом спирт не простой, ширпотребовский какой то там с завода, или медицинский, а удивительного происхождения. Это был легендарный авиационный продукт, применяемый в родных Военно-Воздушных Силах для омывания фюзеляжа самолета, чтобы избежать оледенения. Из всех спиртов, применяемых в стране для потребления внутрь, он считался самым лучшим, ведь у нас на оборону всегда шло все самое качественное. Именовали его в народе «бальзамом» или «Массандрой», а пили в родной Советской Армии и на прилегающей к ней территории с превеликим удовольствием все: от генерала до рядового. У Кеши шурин был адъютантом командующего воздушной армии, и иногда делал родственнику приятные подарки. Ну что еще может подарить мужик мужику в знак благодарности за отремонтированный телевизор? Притом имея неограниченный доступ к такому сокровищу.

Кайф от него был необычным: мягок, благороден, неагрессивен, пробуждал тягу к приключениям и высокоинтеллектуальным

длинным разговорам, пробивал на любовь к искусству и всему прекрасному. К отрицательным свойствам нужно отнести лишь трудно побеждаемый утренний сушняк, а так напиток на все пять баллов. Если бы его еще на клюквочке настоять, то можно пить и не запивая- вообще бальзам на раны. Но настоять его на клюкве нужно время- а кто же будет ждать, когда привалило такое сокровище? Мы же, сегодня пили его, не разбавляя, выделяваясь друг перед другом в умении удержать в себе рвущийся обратно на свежий воздух продукт, словно ему противно было заканчивать свою жизнь в наших утробах. Запивали его, как положено, лимонадом «Буратино», и загрызая картошкой в мундире с солью, тонко порезанными дольками свеженького сала, и молодым зеленым лучком. Супер. Каждый, выпив, старался не скривится, выждать как можно более длительную паузу, как можно медленнее взять фужер с лимонадом, и сделать небольшой глоток, слегка потушив бушующий в глотке пожар, и лишь через минуту-другую запив как следует.

Литровая банка на столе, как монумент в честь бессмертия и величия рок-н-ролла, радовала наши глаза, в ней еще была где то половина, и нам уже было ну очень хорошо. Жизнь была прекрасна, а фантастически дивная музыка Роджера Уотерса, с его акустическими экспериментами, плывшая из

гигантских колонок, стоящих по углам небольшой Кешиной комнаты, была просто бесподобна.

Но собрались мы сегодня не ради спирта- хотя и это тоже весомый повод.

Собрались мы у Кеши для того, чтобы писать на магнитофон музыкальный шедевр. В прошлом году вышла плита «WISH YOU WERE HERE», нашей любимой группы «PINK FLOYD», которая тут же нам окончательно свернула оставшиеся мозги. Ничего подобного мы еще не слышали, и у нас просто поехала крыша. Предыдущие альбомы у «Флойд» тоже были аут, но этот был просто абзац. Мы уже разжились ранее записями этого концерта, но не лучшего качества, и вот теперь я приволок плиту в идеальном состоянии, чтобы сделать каждому на бобину качественную запись на хорошей Кешиной аппаратуре. Писали с хорошей вертушки «Радиотехника» на шикарный магнитофон «Ростов».

Приятная мужская беседа за столом тянулась не спеша, под потолком стелились причудливые полосы табачного дыма, за окном ветер шевелил ветви громадного тополя под окном, а Роджер Уотерс под свои волшебные, посвященные Сиду Баррету аккорды, всех приглашал в систему.

За столом нас восседало трое: я, Кеша и Бузя. Мы были старыми друзьями, и нас объединяла не только многолетняя дружба, но и любовь к

рок-музыке и хорошему бухлу. Сегодня был выходной день, за окном жара, все или на пляже, или на природе, а мы сидим в киевской квартире и пишем великую музыку, разбавляя ее отличным спиртом, все таки жизнь- прекрасная штука, если не смотреть на нее трезвыми глазами!

Процесс шел уже часа два, писалась третья, последняя копия, мы все уже были как надо, еще немного, и можно будет рвануть на родную «Кукушку», на склоны Днепра, полироваться прохладным пивом третьего пивзавода, с прикупленной по дороге в «Океане» необыкновенной, выпускающей легкий нежный жирок золотистой скумбрией.

Бузя начал рассказывать опять какую то сказку, мы лениво его еле слушали, привыкнув за долгие годы к его бредовым фантазиям. Сегодня был день фантазера. С одной стороны в уши влетали фантазии Уотерса, с другой Бузи.

У нашего друга Бузи был один существенный недостаток, я бы даже сказал, что это был порок. Он был рассказчик. Но не в том смысле, что человек любит что то рассказывать, нет, ему просто экспромтом в голову влетал какой то бред, и он тут же начинал на полном серьезе нам его озвучивать, а через пять минут он уже сам верил в то, что только что наплел. И никаких угрызений совести. Абсолютно.

Никакого меркантильного интереса у него в этом никогда не было, в голову ему могло прийти все что угодно, а фантазия у него была безгранична. При этом, смотрел на собеседника своими наивными, круглыми, честными глазами, что так и хотелось ему сразу же поверить. Три самые бредовые сказки, стали притчами во языцах на Печерске, но он несколько лет продолжал их нам втирать, прибавляя лишь все новые подробности. Он утверждал, что видел НЛО в телескоп Дворца Пионеров, целовал руку Индире Ганди, когда та посетила Киев и шла на прием в горисполком от машины, и что он является последним, из оставшихся в живых потомком крымских готов.

Еще в школе за это регулярно получал по шее, но без толку, результат был нулевой, такая у него была натура, что поделаешь, ведь он был нашим другом, мы его прощали, лишь изредка награждая подзатыльниками, что бы его сильно не заносило. Перестал он только получать после того, как общесоюзный журнал «Юный Техник», опубликовал один его фантастический рассказ про каких то монстров с Луны, решивших изничтожить все человечество, его расперло от гордости, он важно заявил, что является творческой личностью, и ничего не может с собой поделать, так живет в другом мире, а мы все ничего не понимаем в творческом процессе.

Он продолжал писать рассказы, изредка его печатали, мы же прекратили рукоприкладство, в глубине души надеясь, что может, из него что то и получится. Годы шли, Бузя не менялся, а терпение наше все таки имело свои пределы, и после последних двух последних особо бесстыдных, с нашей точки зрения выдумок, мы договорились при первой возможности его проучить.

Из нас троих он был единственный женат, у него была милая жена Татьяна, жили они дружно, как ей удалось привыкнуть к его шизам- для всех нас было загадкой.

Недели две назад, мы вечерком завалили к нему домой, с флакончиком неплохого бренди «Слнчев Бряг». Татьяны еще не было, мы расположились на кухне, ожидая, что он сварганит нам какойнибудь легкий закусон. Бузя открыл холодильник, осмотрел содержимое, и заявил, что поссорился с Татьяной, и они даже уже поделили холодильник, верхняя часть его, а нижняя супруги. Я тут же задал вопрос, чьи харчи на двери холодильника, и по отведенным в сторону глазам понял, что опять брешет, сволочь.

Он порезал сыр, лимон, и мы через пять минут превратили кухню в газовую камеру от табачного дыма, несмотря на открытое окно. Через двадцать минут от бренди ничего не осталось, и мы лениво трепались, так как уже порядочно не виделись.